DOI 10.35775/PSI.2025.124.12.034
УДК 32.327

Г.В. ТРОФИМОВ
аспирант кафедры международных отношений
и внешней политики России МГИМО,
Россия, г. Москва
E-mail: trofimovg99@gmail.com

Ю.Д. ДАНИЛЕНКО
аспирант по направлению «Политические институты,
процессы, технологии», Московский городской
педагогический университет,
Россия, г. Москва
E-mail: danilenkoyd806@mgpu.ru

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Статья посвящена анализу эволюции доктринальных императивов энергетической политики США на Ближнем Востоке. В работе исследуется роль ближневосточных энергоресурсов и их роль в формировании внешнеполитических приоритетов США. Цель настоящей статьи состоит в исследовании ключевых факторов, определявших трансформацию американской энергетической стратегии в разные периоды – от эпохи первого нефтяного кризиса до современного этапа четвертого энергоперехода. Методологическую основу работы составляет сравнительный анализ доктринальных подходов различных президентских администраций, что позволяет проследить преемственность и отличия в стратегических установках. В ходе исследования автор приходит к следующему выводу: несмотря на изменения в глобальном энергобалансе и снижение зависимости США от ближневосточной нефти, США не утратили интерес к Ближнему Востоку, имеющему стратегическую значимость с точки зрения глобального энергоснабжения.

Ключевые слова: *Ближний Восток, энергетическая политика, США, углеводороды, Персидский залив, нефть.*

Энергетическая политика США на Ближнем Востоке с середины XX века стала неотъемлемой частью национальной стратегии и вопросов безопасности. Доступ к углеводородным ресурсам региона последовательно рассматривался в Вашингтоне как ключевой интерес, а защита экспорта нефти и свободы судоходства в Персидском заливе закреплялась в доктринальных документах и президентских заявлениях [14]. Уже в период «холодной войны» нефть в Персидском заливе воспринималась как стратегический ресурс, от которого зависела устойчивость западной экономики, однако именно нефтяной кризис

1973-1974 гг. придал этим установкам институциональное оформление. Эмбарго арабских членов ОПЕК на поставки в США в ответ на поддержку Израиля вызвало четырехкратный рост цен на нефть и выявило высокую уязвимость американской экономики [17].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13].

Однако проблему эволюции доктринальных императивов энергетической политики США на Ближнем Востоке нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Перед администрацией Р. Никсона встала дилемма – сохранить поддержку Израиля, одновременно удерживая союзнические отношения с ключевыми экспортерами – прежде всего с Саудовской Аравией [17]. Ответом стала инициатива «Project Independence», провозглашенная 7 ноября 1973 г., целью которой было достижение энергетической самодостаточности к 1980 г. [17]. Программа предусматривала наращивание добычи, снижение потребления и развитие альтернативных источников энергии, чтобы уменьшить критическую зависимость США от ближневосточной нефти [17]. Одновременно госсекретарь г. Киссинджер начал активную «нефтяную дипломатию» – переговоры как с арабскими странами о снятии эмбарго, так и с союзниками по созданию «союза потребителей» нефти. В марте 1974 г. эмбарго было снято, однако проблема баланса между израильским направлением и саудовским вектором осталась системной [17].

К концу президентства Дж. Форда энергетическая безопасность окончательно закрепилась как приоритет американской стратегии. Были институционализированы механизмы реагирования на внешние шоки: учреждена Международная энергетическая агенция (1974) для координации действий стран-импортеров, создан Стратегический нефтяной резерв (1975), введены стандарты топливной экономичности (CAFE), что стимулировало переход к более рациональному потреблению топлива [17]. Эти шаги отражали новый доктринальный императив – снизить уязвимость перед «нефтяным оружием» и рассматривать энергетику не как второстепенный экономический вопрос, а как центральный элемент национальной безопасности.

Именно в 1970-е годы энергетика впервые обрела статус стратегической категории, определяющей и военную, и внешнеполитическую активность США в регионе, что задало рамки для последующих доктрин – от Картера до концепции «energy dominance».

Конец 1970-х подтвердил прямую связь энергетики и безопасности. Исламская революция в Иране 1979 г. лишила США ключевого союзника и поставщика нефти, а падение добычи вызвало второй мировой нефтяной шок [15]. Резкий рост цен усилил инфляцию и безработицу на Западе [15]. Вскоре вторжение СССР в Афганистан создало угрозу советского проникновения к Персидскому заливу. В этих условиях президент Дж. Картер, ранее склонный избегать силовых

решений, изменил курс. В январе 1980 г. в послании Конгрессу он сформулировал «доктрину Картера»: любая попытка внешней силы установить контроль над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы США и отражена всеми необходимыми средствами, включая военные [16]. Подобная формулировка закрепила готовность Вашингтона применять силу ради защиты ближневосточной нефти, связывая стабильность поставок с национальной безопасностью [16].

Картер также подчеркнул недопустимость чрезмерной зависимости Запада от ближневосточной нефти и призвал к диверсификации: вводились импортные квоты, стимулировалась добыча нефти на Аляске, развивались альтернативные источники энергии (создание Министерства энергетики США в 1977 г.) [15]. Параллельно усиливалась военная составляющая. В 1980 г. создано подразделение быстрого развертывания (Rapid Deployment Joint Task Force) – прообраз будущего Центрального командования ВС США (CENTCOM). Вашингтон дал понять союзникам, что стратегически важные локации длдя мировой энергетики, в том числе Ормузский пролив, будут находиться под американской защитой.

Преемник Картера, республиканец Рональд Рейган, пришел в Белый дом с намерением восстановить глобальное лидерство США. Его политика на Ближнем Востоке продолжала линию предшественников, но придавала еще большее значение военной составляющей. Уже в октябре 1981 года администрация Рейгана расширила положения доктрины Картера. Суть этой позиции заключалась в обещании защищать добычу и экспорт нефти стран Персидского залива не только от внешней агрессии, но и от угроз, возникавших внутри самого региона [15]. Если Картер адресовал свое предупреждение главным образом Советскому Союзу, то Рейган распространил гарантии и на локальные конфликты, которые могли нарушить нефтяные поставки.

После распада СССР стратегическая конфигурация на Ближнем Востоке изменилась, однако значение нефти возросло. Главными вызовами доступа к энергоресурсам стали устремления Ирака во главе с Саддамом Хусейном и противостояние с революционным Ираном. В августе 1990 года иракские войска вторглись в Кувейт, обладавший богатыми нефтяными месторождениями. Это стало прямым вызовом интересам США и проверкой на прочность доктринальных установок Картера и Рейгана [15].

В результате Президент Джордж Буш-старший сформировал международную коалицию и начал операцию Desert Shield/Desert Storm (1990-1991), перебросив в Саудовскую Аравию и соседние государства около 600 тысяч военнослужащих США и союзников [15]. Война завершилась освобождением Кувейта и поражением иракской армии; значительная часть военного потенциала Багдада была уничтожена, чтобы Саддам не смог в будущем угрожать нефтяным маршрутам и соседним странам. Уже после восстановления суверенитета Кувейта американское командование оправдывало продолжение наступления необходимостью предотвратить новую агрессию против Саудовской Аравии и угрозу перекрытия поставок нефти [15]. Победа закрепила статус США как главной военной

силы региона и убедила ближневосточных экспортеров нефти, что Вашингтон готов задействовать все ресурсы для защиты своих энергетических интересов.

В 1990-е годы перед администрациями Дж. Буша-старшего и Б. Клинтона встал вопрос, как одновременно нейтрализовать угрозы со стороны Ирака и Ирана, не допустив дестабилизации нефтяного рынка. В 1993 году помощник президента Мартин Индик сформулировал концепцию «двойного сдерживания», предполагающую изоляцию и ослабление обоих режимов [9]. Для Ирака сохранялись жесткие санкции ООН, включая нефтяное эмбарго, смягченное лишь программой «Нефть в обмен на продовольствие» (1996), вводились ограничения в военной сфере: бесполетные зоны на севере и юге страны, удары возмездия за нарушение резолюций Совбеза ООН в 1993, 1996 и 1998 годах [15]. Параллельно США усилили военное присутствие в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, Катаре и ОАЭ были открыты базы ВВС и ВМС, развернуты комплексы ПВО и склады боевой техники [15].

В отношении Ирана Вашингтон также перешел к системной политике давления. С 1980 года действовало торговое эмбарго, введенное после кризиса с захватом американских заложников, а в 1995 году президент Клинтон запретил сотрудничество с иранским нефтегазовым сектором для американских компаний. Год спустя был принят закон Д'Амато-Кеннеди (Iran and Libya Sanctions Act), предусматривавший санкции против иностранных фирм, инвестировавших в иранскую нефтяную отрасль суммы свыше 20 млн долларов [9]. Подобные меры вызвали трения с союзниками в Европе, но подчеркнули намерение США ограничить нефтяные доходы Тегерана. В результате «двойного сдерживания» оба государства оказались в значительной изоляции, тогда как безопасность экспорта нефти союзников – Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ и других – обеспечивалась постоянным присутствием США. Хотя размещение войск, например в Саудовской Аравии, вызвало раздражение среди исламских радикалов, в том числе у Усамы бен Ладена, эта политика отражала стратегический императив: не допустить угрозы свободному потоку нефти из Залива. Даже после распада СССР Вашингтон считал необходимым самостоятельно выступать гарантом стабильности поставок, так как региональные государства и союзники не обладали сопоставимыми возможностями для защиты Ормуза и нефтяной инфраструктуры [15].

Теракты 11 сентября 2001 года и объявленная президентом Дж. Бушем-младшим «война с терроризмом» не отменили энергетические приоритеты США, а, напротив, придали им новое измерение. Защита нефтегазовой инфраструктуры стала рассматриваться как часть антитеррористической стратегии: энергоресурсы превратились в потенциальную цель для экстремистов, стремившихся ударить по экономике США и их союзников.

Администрация Барака Обамы осуществила попытку переосмыслить роль США на Ближнем Востоке, и решающим фактором стали изменения в мировой энергетике. Начавшаяся в эти годы «сланцевая революция» радикально повысила

самообеспеченность страны нефтью и газом: к 2013-2015 гг. США стали мировым лидером по добыче, обогнав Саудовскую Аравию и Россию [15]. Импорт из стран ОПЕК сократился до минимума за десятилетия, а поставки из Персидского залива упали почти вдвое по сравнению с 2000 годом [23]. Доля ближневосточной нефти в американском снабжении снизилась до исторически малой величины, и это изменило восприятие региона в стратегическом планировании. Белый дом сделал ставку на «поворот к Азии», связывая снижение зависимости от Залива с необходимостью сосредоточить внимание на Азиатско-тихоокеанском регионе и росте влияния Китая [20]. Вице-президент того периода Дж. Байден в 2014 году подчеркивал: «США становятся энергетически независимыми, и это меняет наш внешний приоритет». Логика администрации заключалась в том, что энергетическая автономия позволяет уменьшить вовлеченность в перманентные кризисы Ближнего Востока и перераспределить ресурсы в пользу Азии [20]. В этой логике в 2011 году было завершено военное присутствие в Ираке.

Одним из центральных направлений энергетической политики администрации Обамы стала ядерная сделка с Ираном. Длительная конфронтация, сопровождавшаяся санкциями против иранской нефти, создавала риски для стабильности в Персидском заливе и провоцировала колебания мировых цен. В 2015 году США, Россия, Китай, Великобритания, Франция, Германия и Иран заключили Совместный всеобъемлющий план действий (JCPOA), по которому Тегеран обязался ограничить ядерную программу в обмен на поэтапное снятие санкций. Белый дом рассчитывал, что это уменьшит вероятность новой войны в регионе и даст возможность сосредоточить внимание на Азии [15]. Для энергетических интересов США сделка открывала путь к возвращению иранской нефти на рынок: уже к 2017 году экспорт Ирана вырос с 1 до 2,5 млн баррелей в сутки, что смягчило ценовое давление и дало Европе и Азии дополнительные источники поставок. Улучшение отношений с Тегераном рассматривалось как способ снизить милитаризацию залива, уменьшить угрозу блокирования Ормуза и ограничить региональные конфликты.

В Стратегии национальной безопасности США 2015 года подчеркивалось, что рост внутреннего производства и сокращение импорта расширяют свободу внешнеполитического маневра, позволяя уделять больше внимания глобальным вызовам, прежде всего изменению климата. В 2016 году США подписали Парижское соглашение, взяв обязательство сократить выбросы, что означало постепенный отход от доминирования ископаемых источников [22].

К концу второго срока Обамы обозначился перелом в энергетическом курсе Вашингтона. Страна приближалась к статусу нетто-экспортера, а внутренний дискурс смещался от проблемы «нефтяной зависимости» к теме «энергоперехода». В декабре 2015 года Конгресс при поддержке Белого дома отменил действовавший 40 лет запрет на экспорт сырой нефти [22]. Первые танкеры с техасской нефтью вскоре ушли в Европу [22]. Начался рост экспорта нефти и сжиженного газа, что превращало энергетическую самодостаточность в инструмент внешней политики. Этот период ознаменовал сдвиг доктринальных установок: значение

ближневосточной нефти для собственных потребностей США уменьшилось, приоритетом стала поддержка глобальной стабильности энергорынков при меньшем прямом военном вовлечении. Вместе с тем Вашингтон сохранял готовность использовать силу для защиты ключевых маршрутов поставок, как показала борьба с ИГИЛ, подтверждая неизменность установки: свободный поток энергоресурсов из региона остается важнейшим условием мировой экономики [15].

Приход Дональда Трампа ознаменовал курс на «энергетическое доминирование» и более жесткий стиль внешней политики на Ближнем Востоке. Администрация рассматривала энергетические ресурсы как инструмент экономического и политического влияния, опираясь на достижения «сланцевой революции». В Национальной стратегии безопасности США 2017 года было заявлено, что страна будет использовать свое энергетическое превосходство для поддержания открытых рынков и устойчивости мировой экономики [21]. На практике это выражалось в дерегулировании нефтегазовой отрасли, снятии экологических ограничений, расширении бурения на федеральных землях и шельфе, поддержке инфраструктурных проектов (Keystone XL, Dakota Access), а также выходе из Парижского соглашения по климату в 2017 году [22]. Параллельно Трамп сделал ставку на рост экспорта нефти и СПГ, стремясь занять долю рынков союзников и снизить зависимость Европы от российских энергопоставок.

Одним из ключевых направлений ближневосточной политики США стало давление на Иран. В 2018 году США вышли из ядерной сделки (JCPOA), а новая политика «максимального давления» была направлена на резкое сокращение нефтяного экспорта Ирана [15]. В 2018-2019 годах экспорт упал с 2,5 до менее чем 0,4 млн баррелей в сутки, что нанесло серьезный удар по иранской экономике. Ответом стали атаки на танкеры, сбитый американский беспилотник и удар по нефтяным объектам в Абкайке и Хурайсе в 2019 году [15]. Несмотря на прямые угрозы энергетической безопасности союзников, Вашингтон проявил сдержанность: военные меры не применялись, а высокопоставленные чиновники открыто заявляли, что США больше не зависят от ближневосточной нефти. Трамп подчеркнул это и лично, заявив, что США стали крупнейшим производителем и чистым экспортером энергоресурсов [23]. Тем не менее, атака на Абкайк, сократившая мировой экспорт на 5%, показала: энергетическая стабильность по-прежнему уязвима и требует участия США [15].

Политика Трампа оказалась двойственной. С одной стороны, были ослаблены гарантии безопасности для стран Залива и усилено недовольство союзников изоляционизмом Вашингтона. С другой – сохранялось стратегическое партнерство с Саудовской Аравией, поддерживалось вмешательство в регулирование нефтяного рынка. В 2020 году, когда пандемия вызвала обвал спроса и ценовую войну Саудовской Аравии и России, Трамп лично участвовал в переговорах ОПЕК+ о рекордном сокращении добычи, пригрозив Эр-Рияду санкциями в случае отказа [18]. Параллельно были подписаны Авраамические соглашения, частично связанные с кооперацией Израиля, ОАЭ и Бахрейна в газовой сфере. В целом доктринальные установки эпохи Трампа можно определить как «энергетический

неомеркантилизм»: максимизация собственной добычи и экспорта ради укрепления геополитического положения, давление на противников с помощью санкций и сокращение прямых военных расходов на защиту внешних ресурсов. Фундаментальная цель – предотвращение мирового нефтяного кризиса – сохранилась, но достигалась другими методами.

В 2021 гг. Джо Байден пришел к власти под лозунгом укрепления связи между энергетической политикой и климатической повесткой. В феврале 2021 года США вновь присоединились к Парижскому соглашению, а в августе 2022 года Конгресс принял закон Inflation Reduction Act (IRA) – крупнейший пакет мер по развитию чистой энергетики и сокращению выбросов [22]. Эти шаги закрепили курс на «зеленую дипломатию» и лидерство США в мировом энергопереходе. Однако на практике уже в 2022 году столкновение с реальностью энергетической безопасности внесло коррективы. После того как перед Европой вновь возникла угроза дефицита энергоресурсов, США вновь выступили «энергетическим арсеналом» союзников: Байден распорядился о рекордном высвобождении 180 млн баррелей нефти из стратегического резерва и в июле 2022 года посетил Саудовскую Аравию, добиваясь увеличения добычи [20].

Во внешней политике Байден стремился удержать баланс между традиционной защитой нефтяных интересов и продвижением климатической повестки. В отношениях с монархиями Залива Вашингтон продолжал кооперацию в нефтяной сфере и сфере безопасности, одновременно стимулируя инвестиции в возобновляемую энергетику. В 2022 году с ОАЭ было заключено партнерство PACE с инвестициями в $100 млрд. США сохраняли военные гарантии, поставляя ПВО и усиливая присутствие флота в Ормузском проливе.

В отношении Ирана администрация пыталась возобновить JCPOA, но переговоры зашли в тупик. В 2023 году политика свелась к сдерживанию: санкции остались, хотя их исполнение стало мягче, и Тегеран нарастил поставки нефти в Китай. Вашингтон избегал прямой эскалации, но неформально обсуждал частичные послабления, чтобы стабилизировать цены на фоне роста стоимости топлива в США.

Итоговый курс можно охарактеризовать как поиск равновесия: поддержка стабильности поставок нефти и газа для союзников, сдерживание цен и одновременное продвижение долгосрочной цели энергоперехода. Эта двойственность отражает главную дилемму администрации Байдена: рекордная добыча нефти и газа помогает мировой экономике, но подрывает задачу сокращения использования ископаемого топлива [15]. Стратегическая установка Белого дома состоит в том, что в ближайшие десятилетия углеводороды сохранят значение, а значит США должны удерживать контроль над рынками, параллельно формируя инфраструктуру будущего низкоуглеродного развития.

С приходом к власти Д. Трампа вновь остро встал вопрос об эволюции доктринальных императивов США на Ближнем Востоке в энергетической сфере. Новый президент начал курс на институциональное закрепление «энергетического доминирования» – приоритетного развития нефтегазового сектора ради

геополитических целей. В первые недели был подтвержден выход из Парижского соглашения и объявлены планы радикально пересмотреть или полностью отменить закон Inflation Reduction Act, перенаправив средства с «зеленых» проектов на традиционную энергетику [24]. В администрации обсуждается создание совета по энергетической безопасности для координации действий разных ведомств. Одновременно Трамп заявил о намерении открыть все федеральные земли и акватории для добычи, ускорить выдачу лицензий и строительство трубопроводов [24]. Такая политика призвана укрепить экспортные позиции США и усилить давление на конкурентов через снижение цен на нефть.

Для Ближнего Востока этот курс означает двойственный эффект. С одной стороны, вероятно восстановление тесных связей с монархиями Персидского залива – прежде всего Саудовской Аравией и ОАЭ, на основе прагматичных сделок «нефть в обмен на безопасность». С другой, Трамп известен требованием, чтобы союзники оплачивали военное прикрытие, что может привести к попыткам монетизировать американское присутствие в Ормузском проливе.

В более широком плане предполагается свертывание «зеленой дипломатии»: США могут отказаться от давления на Саудовскую Аравию и ОАЭ по вопросам сокращения добычи и стимулировать их к наращиванию производства для контроля цен. В итоге стратегический императив администрации Трампа можно охарактеризовать как «энергетический реализм» – признание решающей роли нефти и газа и их использование без учета климатических ограничений. Для Ближнего Востока это означает возвращение к традиционной роли США как гаранта стабильности рынков нефти, но без лидерства в сфере сокращения выбросов [15].

***

Анализ доктринальных императивов энергетической политики США на Ближнем Востоке подтверждает их преемственность и адаптацию к изменяющимся условиям. С 1970-х годов стратегическая цель оставалась прежней – обеспечение стабильного доступа к ближневосточной нефти, будь то через военное присутствие, санкционное давление, развитие внутренней добычи или продвижение энергоперехода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Айвазян С.Г.** Влияние подходов Российской Федерации и США к проблеме мирового порядка на российско-американские отношения // Вопросы политологии. 2025. № 6.
2. **Аль-Яфаи Али Салих.** Отношения России с Объединенными Арабскими Эмиратами и Кувейтом в торгово-экономической сфере // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 7.

3. **Геворгян М.А.** Энергетическая безопасность и изменение климата в повестке дня Группы восьми до 2014 года // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 6.
4. **Данелян Т.О.** Вторжение США и его союзников в Ирак в 2003 году и их геополитические цели // Вопросы политологии. 2024. № 6.
5. **Катков И.Е.** Контрсанкционные меры Российской Федерации как ответ на политико-экономические рестрикции недружественных стран (на примере топливно-энергетического сектора) // Вопросы политологии. 2024. № 6.
6. **Катков И.Е.** Советский нефтегазовый комплекс как объект санкций США в период «холодной войны» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 11.
7. **Лян Вэйхан.** Анализ стратегии администрации Байдена в отношении Китая на Ближнем Востоке (Часть I) // Вопросы политологии. 2024. № 6.
8. **Плотников В.С., Дубровина О.В.** Россия – Саудовская Аравия: разворот внешней политики на Восток // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 7.
9. Почему Иран постоянно под санкциями? // Сегодня в Израиле (segodnya.co.il) // https://segodnya.co.il/subjects/pochemu-iran-postojanno-pod-sanktsijami.
10. **Свиридов А.А.** Основные тенденции глобального энергетического рынка // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
11. **Сигал Д.Е.** Стратегии развития американских технологических гигантов и их влияние на глобальные экономические тренды // Вопросы политологии. 2024. № 3.
12. **Шалан Саид Фархан.** Российско-иранское взаимопонимание в Сирии и его влияние на геостратегическую ситуацию на Ближнем Востоке // Вопросы политологии. 2024. № 6.
13. **Эбру Биринчи.** Государство Израиль в советской внешней политике на Ближнем Востоке во время холодной войны // Вопросы политологии. 2024. № 6.
14. **Brands H., Cook S.A. and Pollack K.M.** The Big Think RIP the Carter Doctrine, 1980-2019 // https://foreignpolicy.com/2019/12/15/carter-doctrine-rip-donald-trump-mideast-oil-big-think/.
15. Donald Trump Is Destroying Jimmy Carter's Biggest Legacy // Foreign Policy // https://foreignpolicy.com/2019/12/15/carter-doctrine-rip-donald-trump-mideast-oil-big-think/.
16. **Meiertöns Heiko.** The Doctrines of US Security Policy – An Evaluation under International Law. Cambridge University Press, 2010.
17. Milestones in the History of U.S. Foreign Relations: 1969-1976 – Oil Embargo // Office of the Historian, U.S. Department of State // https://history.state.gov/milestones/1969-1976/oil-embargo.
18. Special Report – Trump told Saudi: Cut oil supply or lose U.S. military support // Reuters // https://www.reuters.com/article/economy/special-report-trump-told-saudi-cut-oil-supply-or-lose-us-military-support-idUSKBN22C1V3/.

19. The U.S. dominated the global oil and gas industry in 2023 despite pledges about clean energy // Oil & Gas Watch News // https://news.oilandgaswatch.org/post/the-u-s-dominated-the-global-oil-and-gas-industry-in-2023-despite-pledges-about-clean-energy.
20. The U.S. Should Focus on Asia – All of Asia // Brookings // https://www.brookings.edu/articles/the-u-s-should-focus-on-asia-all-of-asia/.
21. The Middle East in Trump's National Security Strategy (NSS) // ORSAM // https://orsam.org.tr/en/yayinlar/the-middle-east-in-trumps-national-security-strategy-nss/.
22. Timeline – Oil Dependence and U.S. Foreign Policy // Council on Foreign Relations // https://www.cfr.org/timeline/oil-dependence-and-us-foreign-policy.
23. Trump Wrongly Says U.S. Not Dependent on Saudi Oil, Takes Credit Himself // Business Insider // https://www.businessinsider.com/trump-wrongly-says-us-not-dependent-saudi-oil-takes-credit-2019-9.
24. Trump 2.0 – The Changing Landscape of Renewable Energy Regulation // Pillsbury // https://www.pillsburylaw.com/en/news-and-insights/trump-renewable-energy.html.

G.V. TROFIMOV
PhD Student, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Moscow, Russia

YU.D. DANILENKO
PhD student in Political Institutions, Processes, and Technologies, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

DOCTRINAL IMPERATIVES OF US ENERGY POLICY IN THE MIDDLE EAST

The article analyzes the evolution of the doctrinal imperatives of US energy policy in the Middle East. It examines the strategic significance of Middle Eastern energy resources and their role in shaping Washington's foreign policy priorities. The purpose of this article is to examine the key factors that have shaped the transformation of American energy strategy over various periods – from the first oil crisis to the current stage of the fourth energy transition. The methodological basis of the work is a comparative analysis of the doctrinal approaches of various presidential administrations, which allows us to trace the continuity and differences in strategic approaches. The author comes to the following conclusion: despite changes in the global energy balance and the declining US dependence on Middle Eastern oil, the United States has not lost interest in the Middle East, which has strategic significance for global energy supplies.

Key words: *Middle East, energy policy, USA, hydrocarbons, Persian Gulf, oil.*